

Михаил Рыба
солист Московской Государственной филармонии,
пианист, лауреат международных конкурсов
в Порто (Португалия), Риме (Италия) и Пхеньяне
(Корея)

«ПРОДОЛЖАЮ ДЕЛО МОЕГО ОТЦА...»

Корр.: Вы выбрали профессию музыканта. Почему? Вы могли бы не пойти по пути своих родителей и выбрать другую специальность. Как становятся музыкантом?

М. Р.: Моя судьба где-то была predetermined. Все-таки влияние моего отца, Михаила Рыбы, было очень сильным, и это не могло пройти незамеченным. Великолепный музыкант, он оказал огромное влияние на формирование моих вкусов и пристрастий, привил любовь к хорошей музыке.

В нашей семье неотъемлемой частью жизни была музыка гениальных композиторов, как классиков русских и западно-европейских, так и наших современников. К нам в дом приходил Вайнберг — один из величайших композиторов XX века. Очень жаль, что он не так хорошо известен широкому кругу слушателей. Вместе с моим отцом они пели знаменитый цикл Шуберта, он играл Гайдна. Шостакович — гений нашего времени, я думаю, многие со мной согласятся — аккомпанировал моему отцу. Эти люди сыграли огромную роль в моей жизни.

Когда я еще только учился музыке, отец относился к этому даже с каким-то безразличием. Он меня никогда не заставлял играть на фортепиано. Но когда вдруг у меня что-то начало получаться, заметил и одобрил.

Корр.: Отец был для вас учителем?

М. Р.: Он скорее был для меня очень авторитетным человеком. Даже больше чем учителем. Мой отец — певец, и большая часть его творческой деятельности прошла в Московской филармонии. Меня поразило, что он всегда ставил себе высокую планку. Высочайшая требовательность, в первую очередь

к себе, к своей профессии. Я ездил с ним на гастроли, и меня удивляло такое обстоятельство: когда мы приезжали в какой-то провинциальный город, у него было отношение к выступлению очень серьезное. На любой площадке, независимо от того, где и сколько зрителей присутствовало, он выкладывался всегда полностью. Я считаю, что это честное отношение к слушателю, это качество у него перенял. Мне бы хотелось назвать имя моего педагога Виктора Мержанова, профессора Московской консерватории, знаменитого пианиста, у которого я занимался в консерватории и аспирантуре.

Корр.: Какими еще профессиональными и человеческими качествами должен обладать музыкант?

М. Р.: Выбор профессии музыканта — это во многом самоограничение. Конечно, надо чем-то в жизни жертвовать, но слово «жертва», наверное, не совсем правильное. В какой-то момент это стало органичной частью моей жизни. Работа у меня всегда на первом месте. Это происходит само собой. Моя любовь к музыке, наверное, самое важное в жизни. Ведь музыка вечна, она будет жить всегда.

Корр.: Наверное, очень сложно строить повседневные отношения с близкими, коль всегда приходится думать о вечном. Как совместить это противоречие?

М. Р.: Кто-то из великих сказал, что мужчина не должен ошибаться в двух выборах: в выборе профессии и жены.

Если человек себя посвящает серьезному классическому искусству, то это становится генеральной линией. Быт, конечно, всегда на втором плане.

Хорошо, когда возникают браки, в

которых пара работает с одной общей идеей. Профессия требует огромного количества времени и сил.

Корр.: Что вы испытываете, когда играете, какие чувства возникают у музыканта, когда он играет на концерте для людей?

М. Р.: Для людей играть ответственно и приятно. Это большая радость.

В этом смысле я стараюсь радоваться ощущениям момента. Я пытаюсь передать собственные чувства от музыки публике. Надеюсь, мне это удается.

Во время концерта происходит таинство. Слушатель еще не знает, что прозвучит и как, а музыкант должен сыграть произведение так, чтобы публика откликнулась и почувствовала музыку всем сердцем и душой. Прежде всего, исполнитель должен любить музыку, которую он исполняет.

Эта любовь и восхищение должны передаться моему слушателю.

Иногда очень трудно физически переносить долгие перелеты во время гастролей, бывает, и чувствуешь себя не совсем в форме, но я выхожу на сцену и забываю о своем самочувствии. Для меня в тот момент главное другое — это я и музыка и, конечно, люди, для которых играю. Все. Больше ничего не существует. Я привык к тому, что если что-либо делаю, то делаю это с полной отдачей и самозабвением.

Часто сам быт накладывает отпечаток на качество воспроизводимой тобой музыки.

Если ты порочен и лжив — никогда не сыграешь музыку как надо. Прежде всего, конечно, всегда стараешься быть самим собой и по возможности гармоничным и честным по отношению к людям и к себе.

ТИХОМ ХРЕННИКОВ
TIKHON KHRENNIKOV

ВТОРОЙ КОНЦЕРТ
SECOND CONCERTO

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО С ОРКЕСТРОМ
FOR PIANO AND ORCHESTRA

Переводчик для опер. фортепиано концерта
Arranged for The Piano by the Composer

Вручаемый в память издателя
— наряду с музыканту-фортепиано
Михе Раба — с воспоминаниями
Тихона Хренникова
8/18 96г. Москва

Музыкальный издательский дом «Совинформ»
Музыкальный издательский дом «Совинформ»
1996

Для меня важно, с каким чувством слушатель уходит с концерта. Когда я посещаю выставку или театр, то стараюсь понять, что за идея вдохновила автора создать то или иное произведение, что он хочет донести до зрителя. Эти мысли меня сопровождают и во время моего концерта. Я тоже должен определить для себя, что я несу сидящим в зале. Всегда хочется, чтобы мой слушатель после концерта стал чище и гармоничнее...

Есть композиторы, которые преуспели, воздействуя на негативные эмоции людей. Но, на мой взгляд, в мире и так хватает хаоса и неприятностей, ну должен же хоть кто-нибудь нести в мир гармонию и любовь. Я, как могу, пытаюсь делать это.

В подборе программ стараюсь не проецировать на слушателя свои неприятности. И не устраивать эксперимент над его душой и сознанием.

Для меня важно, чтобы человек, прослушав мой концерт, очистился и обрел возвышенное состояние. Хорошая музыка способствует этому.

Я не стал играть позднего Скрябина, так как на те вопросы, которые он ставил, у меня не находится ответов.

Корр.: Много ли сегодня хороших пианистов?

М. Р.: Нет, очень мало. Пианист должен сочетать в себе многие качества. Надо всю свою жизнь посвятить музыке.

Вот на нашей эстраде, например, все «звезды». Они почему-то сразу присваивают себе такое имя. Но истинно ли это? Вряд ли.

Звезда это не то, что назначается. В средствах массовой информации у нас сейчас запросто называют звездой кого угодно.

Это все равно что покупать в собственность себе звезду на небе. Это все очень сомнительно и ложно. В шоу-бизнесе многие называют себя певцами, композиторами и т. д. В реальности же до этого далеко.

Корр.: Человек, который всю жизнь занимается музыкой, наверное, как-то иначе воспринимает звуки природы, наверное, более обостренно?

М. Р.: Мне трудно об этом судить. О себе могу сказать, что люблю быть один на один с природой. Особенно люблю слушать звуки моря. Оно каждый раз по-новому для меня раскрывается. Я растворяюсь в этом пространстве и стараюсь представить себя частью того, что я вижу, чувствую и слышу. Очень люблю Коктебель. Для меня это не географическое понятие, а во многом духовное. Здесь я встречаю людей, близких мне по духу. Тут я действительно отдыхаю и чувствую себя самим собой. Природа вообще для музыканта самый сильный источник вдохновения.

Корр.: А где вы еще себя чувствуете самим собой?

М. Р.: Конечно, в музыке и в тех произведениях, исполнять которые мне, действительно, удается. Сам процесс работы и труда носит системный характер, и особые чувства, когда ты ощущаешь подъем и вдохновение, во многом часто нарабатываются. Нарбатывается тот механизм, который позволяет этому чувству появиться, это колоссальный духовный труд. По большому счету, сам процесс работы музыканта и есть источник вдохновения.

Я работаю так. Надо максимально отключиться от быта и повседневности. Это обязательное условие. Например,

при работе над музыкой Баха, который писал много культовых сочинений для храмов и праздников. Разница между его культовой духовной музыкой и светской во многом условна. В его танцевальных сюитах драматической кульминацией, как правило, является траурный испанский танец Сарабанда, в котором без труда угадываются речитативы евангелиста из его духовных сочинений, например «Страсти по Иоанну».

Каждый сыгранный звук не должен нести отпечаток повседневности. Это важно.

Поэтому нужна максимальная концентрация. Это касается не только Баха, но и других композиторов. Вообще для каждого композитора нужна своя настройка.

Корр.: Вы что-нибудь коллекционируете? Расскажите о коллекции вещей, связанной с вашим отцом? Вы же ей особенно дорожите?

М. Р.: У меня остались памятные вещи, связанные с моим отцом и его творческой деятельностью, такие, например, как письма Шостаковича моему отцу, уникальные афиши: концерта, посвященного Дню Победы 10 мая 1945 года, концерта, посвященного 100-летию юбилею Римского-Корсакова. Это афиша 1944 года. У меня есть уникальные фотографии, еще подаренные моему отцу Шостаковичем ноты и другие интересные документы. Часть моей коллекции сейчас выставляется в фойе Большого зала консерватории. Выставка называется «Музыка в годы Великой Отечественной войны». И конечно, я очень дорожу своей профессией, я благодарен музыке.

Подготовила Валерия Письменная